

Е. Г. Рабинович

ЛАТЫНЬ ПО-ГРЕЧЕСКИ

Резюме. В статье рассматривается передача латинских номенклатурных терминов по-гречески – прежде всего на примере «консула» (consul, ὑπάτος). Описывается типичная для греков вообще и для Второй софистики по преимуществу неточность в различении бюрократической и сенатской иерархии, несомненно связанная с заботой о чистоте языка, но не в меньшей мере отражающая постепенное превращение должностей в чины, не всегда обеспеченные должностью. Так прототип византийской табели о рангах создается уже в эпоху Антонинов и Северов, поначалу в форме демонстративной архаизации дискурса.

Ключевые слова: бюрократия, номенклатура, должность, чин, перевод, архаизм, аттицизм, терминология, империя, Византия.

Приступая к этому небольшому социолингвистическому очерку, вкратце напомним известное. Освоение иноязычных терминов происходит по-разному: термины можно заимствовать, как заимствованы из греческого *philosophia* и *философия*, можно калькировать, как ποιότης в *qualitas* и в *качество*, наконец, можно переводить, и тогда термины теряют не только слышимую связь с чужим языком (это происходит и при калькировании), но и связь с исходной внутренней формой – тут лучше всего традиционный пример *крещати*, при переводе утратившее ассоциацию с водой и приобретшее новую, с крестом. Однако, если термин сохраняет системность и моносемичность, он остается термином вне зависимости от способа вхождения в язык: так *кислород* мирно соседствует со *свинцом* и *фтором*, а *треугольник* с *квадратом* и *гипотенузой* – хотя всё это, разумеется, предполагает сознательную или бессознательную заботу о недвусмысленности.

Римская должностная номенклатура была компактной и стройной системой терминов, внутренняя форма которых порой сохраняла внятность (например, *quaestor* действительно ведал финансами), однако и тогда отсутствие

совпадений с обиходными производными от тех же корней исключало путаницу, а всё вместе облегчало понимание обязанностей и ответственности магистрата. Но в расширявшейся державе разбираться в обязанностях и полномочиях приходилось уже не только римлянам и их латиноговорящим соседям, но также и другим народам – с середины II века до н.э. то были в основном греки¹. Тут нельзя не отметить, что, пусть у самих греков описываемые номенклатурными терминами номинативные зоны обычно были упорядочены не хуже, чем у римлян, в каждом полисе и в каждом македонском царстве было собственное государственное устройство и собственный набор должностей, то есть общегреческой номенклатуры не существовало, а следовательно, в отношении системности и моносемичности номенклатурной терминологии перед афинянами, например, у римлян преимуществ не было, зато перед эллинизмом в целом преимущество было коренное. Итак, адаптируясь новому управлению, *Graecia capta* осваивала его язык: началось это при завоевании, но продолжалось и затем, когда (задолго до эдикта Каракаллы) сами греки, обретая римское гражданство, становились квесторами, сенаторами, а то и консулами.

Вообще говоря, почти всю римскую номенклатуру проще всего было бы заимствовать: при сохранении в каждом автономно управляющемся полисе прежних должностей это был бы самый надежный способ избежать терминологических проблем (cf. Greenough, Kittredge 1961: 42). Иногда так и происходило: мало кто пытался, например, эллинизировать *dictator-dictatura* – правда, по большей части это касается авторов времен Империи, когда диктатура превратилась в экзотический архаизм, но и Полибий, живший в Риме при республике, не раз упоминает вполне

¹ О влиянии Рима на «плененную Грецию» пишет Сьюзен Оллок (Alcock 1993), рассматривающая в своей книге «культурную множественность ответов» на римскую власть; ср. «Рим на Востоке» У. Болла (Ball 2000) и др. работы, основанные на современном «мультикультурном» подходе (в частности, о би- и мультилингвизме Римской империи).

актуальную тогда должность *δικτάτωρ* (III.87.7; VI.18.9 et al.); немало сходных примеров и в документальных и/или не прошедших литературную цензуру текстах (скажем, в Новом Завете, довольно часто встречается *πραιτώριον* – Mt.27:27; Mc.15:16; Ioan.18:28, etc.), то есть нельзя утверждать, будто греки вовсе не заимствовали латинские термины, – просто они заимствовали их куда реже, чем казалось бы естественно. Хью Мейсон в своем, самом фундаментальном до нынешнего дня, исследовании² отмечает, что преимущество при заимствовании имела армейская лексика, так как латынь была языком армейского единоначалия, и лексика канцелярская, связанная с доминированием римлян в сфере управления, но эти и подобные частности не меняют общей картины: по подсчетам того же Мейсона (включающим надписи, документы, не ориентированные на литературную норму тексты и пр.), вплоть до византийской эпохи заимствования составляли не более восьмой части слов, означающих какие бы то ни было римские государственные институты, причем реже всего заимствовались названия должностей (Mason 1974: 3–7) – греки явно стремились обходиться собственными средствами, особенно при наименовании властей предрежащих.

² Освоение греками латинской политической терминологии до поры затрагивалась лишь в работах о стиле того или иного автора, но в начале XX века явилась монография известного Дэвида Мейджи (Magie 1905), выделившего три способа освоения латинских терминов: *transcriptio*, простое заимствование, *translatio*, перевод (включая кальку), и *comparatio*, выбор слова из «подходящих по смыслу» греческих. Работа Мейджи носит дескриптивный характер, так как социолингвистики в его время не существовало, и первым комплексно и адекватно проанализировал проблему лишь Хью Мейсон, использующий, однако, классификацию Мейджи, на которого в этой связи и ссылается. С сожалением приходится отметить, что Бруно Рошетт, специалист по латинским заимствованиям в греческом языке (Rochette 1997), использует эту же классификацию в статье о греко-латинском билингвизме (Rochette 2010: 291–297), не ссылаясь ни на покойного Мейджи, ни на живого Мейсона, – хотя библиография у статьи солидная.

В целом это вполне согласуется с распространенным среди ответственных в языковом отношении групп (в данном случае прежде всего, конечно, среди учителей риторики и грамматики, многие из которых сами были писателями) пуризмом и не является в истории языка чем-то необычным. Но само по себе избегание иноязычных слов не означает пренебрежения необходимой системностью и однозначностью, коль скоро термины можно калькировать и переводить, как делали и свв. Кирилл и Мефодий, и Ломоносов, и противившиеся всему «негерманскому» немецкие романтики, а затем идеологи Третьего рейха, чья языковая политика так ярко описана Клемперером (Klemperer 1969: 80–82); наконец, так же до сих пор нередко поступают в Исландии (Sigurdur Magnusson 1990: 243–244, 261–263) – мотивировки варьируются, но тенденция к лексической самодостаточности сохраняется.

Если, однако, присмотреться, как передавались по-гречески важные для ориентации в римской государственной реальности термины, легко усомниться не только в том, что римская должностная номенклатура была греками освоена, но и в том, что они вообще всерьез пытались ее освоить. Уже Полибий, со знанием дела описывавший римское государственное устройство, иногда передавал название одной и той же должности разными словами: скажем, консулы у него иногда ἀρχοντες (I.39.1), а иногда ὑπατοι (VI.12.1). То и другое перевод, тут и там слова подобраны по месту магистратуры в иерархии должностей, но всё вместе не помогает понять, что ἀρχοντες первой книги Семпроний и Сервилий исполняют то, что должны исполнять ὑπατοι шестой книги, потому что они-то и есть ὑπατοι; более поздние свидетельства демонстрируют, что это пренебрежение точностью сохранялось во все века классической древности³. В целом же, хотя всем римским

³ Мейсон подозревает здесь влияние школы Исократ с характерным для нее уходом от конкретности, но в пример приводит не раторов, а историков (Mason 1970: 152); между тем, хотя эпидейктическая риторика, классиком которой был Исократ, действительно чуралась обыденного, предметная ее область

должностям нашлись греческие названия (а большинству, как видно по лексикону Мейсона, и не одно), терминологическую внятность сохранили немногие и прежде всего калькированные, как «центурион» (ἐκατόνταρχος). Консулы обычно именовались ὑπάτοι, для проконсулов и консуляров были созданы неологизмы, ἀνθύπατοι и ὑπατικοί, оба тем же способом, что и по-латыни, – ἀνθύπατος есть уже у Полибия (XXI.10.11; 45.1; XXVIII.5.6), ὑπαιτικός впервые употребляется у Страбона (XVII.3.25 et al.), хотя в качестве прилагательного (III. 4. 20 et al.), что, впрочем, не противоречит латинскому *consularis*. При освоении терминов неология по удобству не уступает заимствованию, точно так же исключая двусмысленность (ср. «оксигенация» и «кислород»), но в нашем случае пренебрежение однозначностью остается: пусть ἀνθύπατος значит «проконсул» и нарочно для того создано, отсюда не следует, что проконсул всегда ἀνθύπατος – как и любой провинциальный начальник, не только сенатский наместник, он может зваться ἄρχων или ἡγεμών. *Tribunus plebis* был δῆμαρχος, хотя в Аттике и затем в эллинистическом Египте так назывались окружные старосты; *tribunus militum* был χιλιάρχος, хотя так же, естественно, назывался начальник тысячи воинов, – поэтому без реального контекста не всегда понятно, о каком «старосте» или «тысяченачальнике» идет речь.

Приведенные примеры достаточно наглядны, а ведь у греков к моменту римского завоевания была, как сказано, собственная должностная номенклатура, более того, даже и после римского завоевания греки, пусть на муниципальном уровне, жили довольно активной политической жизнью, отлично разбираясь в тонкостях собственной терминологии⁴, так что отмеченная выше неразбериха возникала

была ограничена, так что даже один и тот же автор в деловых и показных речах использовал разные лексические стратегии (Рабинович 2000: 60–78), – тем более у историка избегание точного названия легче объяснить просто незнанием нужного слова в сочетании с намерением передать нужный смысл.

⁴ Так, Филострат в жизнеописании Лоллиана Эфесского сообщает, что тот был у афинян «воеводой латников» (στρατηγῆσας ἐπὶ τῶν ὀπλῶν), а «сей сановник встарь верстал и

лишь в связи с Римом, для которого у греков словно не находилось точных выражений. В раннюю эпоху подобное еще можно понять: при сохранении местного самоуправления иерархия римских начальников (именно начальников, а не солдат и мытарей) была не особенно актуальна, так что присланный из Рима наместник мог называться как угодно, и ἄρχων или ἡγεμὼν звучало ничуть не хуже, чем ἀνθύπατος. Хотя «язык, если его семантические и грамматические характеристики существенно ограничиваются, ... может сам по себе препятствовать пониманию человеком своей позиции и позиции своей группы в обществе» (Mueller 1970: 111), но, когда речь идет о чужаках, среди которых никакой позиции говорящий не занимает, ему довольно самых приблизительных знаний, пусть у Полибия эта приблизительность кажется странной⁵. Однако римских граждан среди греков становилось всё больше, они порой доходили в *cursus*'е до консула (как Кассий Дион или Герод Аттик), а планировали такую карьеру гораздо чаще – и если поначалу равнодушие к деталям римской номенклатуры еще можно гипотетически объяснить избыточностью такой информации, для более поздней эпохи это объяснение не годится.

вел на войну войско, ныне же заботится о продовольствии и о хлебных торгах» (VS. I.526; пер.Ф.Беневича; об этих стратегах известно и из других источников, e.g. Aristot. Pol.Athen. LXI.4) – а будь должность римской, Лоллиан наверное оказался бы просто «архонтом», а то и «сатрапом», как Дионисий Милетский (VS. I.524), о котором известно, что Адриан назначил его «сатрапом» Эфеса – вероятно, прокуратором (Wright 1989: 93).

⁵ Когда требовалось, греки осваивали куда более сложные аспекты римского гражданского быта, включая помесечные датировки с инклюзивным счетом дней, которые порой используются даже в не очень грамотных греческих надписях (Solin 2008: 259–72); вероятно, все эти иды и ноны не ассоциировались с идентичностью, ведь и у самих греков бывали разные календари. По тонкому замечанию Ребекки Престон, для греков их культура была «естественным порядком вещей», а потому римское при небольшой доработке просто становилось греческим (Preston 2001: 86–119); ср. *interpretatio Graeca* и сходные явления.

Куда важнее, что культурная ответственность, предписывавшая образованному римлянину хорошо знать не только греческий язык, но и греческую литературу, образованному греку, напротив, воспрещала использование каких-либо языков, кроме греческого, так что даже частое в быту употребление латинских имен представителями элиты осуждалось, а Филострат называет подобное «варварством» (VA IV.5; cf. Epist. Ap. 71; 72). Правда, варваризм мог использоваться как троп (γλῶττα), но тропы усложняют речь – между тем уже Аристотель отмечал, что для повседневного обихода нужны не глоссы, неологизмы и прочие прикрасы (κόσμοι), а всем понятные «главные» слова, κύρια (Rhet. III 1404a 24–27 et al.). Норма эта возникла в эпоху, когда вопрос о латинских заимствованиях не вставал, зато в судах и в собраниях к согражданам следовало обращаться на понятном им языке, оставляя красоты для стихов и торжественных речей, но в той или иной мере старое здравомысленное правило соблюдалось всегда, а так как в названиях должностей ничего поэтического или торжественного нет, использование для их передачи заимствований и неологизмов само собой должно было ограничиваться. В известной мере это вступает в противоречие с самой идеей κύρια, предпочитаемых именно ввиду понятности, а термин понятен, когда однозначен, что гораздо легче достигается глоссой или неологией, – нельзя, однако, упускать из виду, что терминология у греков была, но понятия «термин» не было, и mots justes отбирались по единым правилам, которые поддерживались не только софистами (своего рода экспертами по «культуре речи»), но и самими римлянами⁶: отличный

⁶ Любопытно, что это порой влияло и на латынь: так, св. Иероним при переводе Нового Завета возвращает на место латинские должностные термины, заменяя ἀνθύπατος на *proconsul* и ῥάβδουχος на *lictor* (Act. 13:7, 35), но χιλιάρχος (*tribunus militum*) у него *tribunus cohortis* (ibid. 21:31), хотя у когорты не было трибуна, так что это явная попытка передать «тысячу», и, наконец, ἡγεμῶν Пилат у него просто *praeses* (Mt. 27:2 et al.), что ничуть не определеннее «гегемона» и может относиться к любому наместнику.

пример – обильно цитируемая Мейсоном греческая версия *Res gestae divi Augusti*, с выражениями, которые сам он называет «созданными по литературному образцу» (Mason 1974:14; cf. Berthet: 231–243), хотя вернее было бы говорить об образце риторическом.

Изобилие материала побуждает выбрать один достаточно показательный пример, и таким представляется ὑπάτος – не заимствование и не неологизм, но в номенклатурном смысле слово новое, а значит, в отличие от «архонтов» и «гегемонов», имевшее, казалось бы, некий потенциал внятности. Тем не менее Филострат посвящает «Жизни софистов» λαμπροτάτῳ ὑπάτῳ Антонию Гордиану, а чуть ниже: «сей труд, ἀρίστῃ ἀνθυπάτῳ, да облегчит бремя твоих забот...» (VS I. 479–480) – выходит «консул-проконсул», хотя Филострат, пусть нередко небрежный, до такой степени небрежен не бывает⁷. Как эти слова удержались вместе? Конечно, если латинские *consul-proconsul-consularis* – настоящие термины, у греков таковыми могут считаться лишь неологизмы ἀνθύπατος и ὑπατικός⁸, а ὑπάτος в языке существовало всегда (см. ниже) и было использовано – вероятно, все-таки Полибием – в значении *consul* достаточно произвольно. В надписях и в документах, у исто-

⁷ Декоративным консулом-суффектом будущий император Гордиан был в 229, зато в 232 очень успешно управлял Африкой, и в год посвящения книги (предположительно 232–233) для этого уже старого (158–238) человека именно проконсульский год был едва ли не самым славным в жизни.

⁸ Мейсон, отмечая, что даже консул Кассий Дион в следовании «аттическому стандарту» заменял понятные и принятые в документах заимствования (как πόλις/φις) невнятно многозначными (как ἱερεύς), добавляет в этой связи, что ἀνθύπατος тоже не имело нужной «стилистической респектабельности» (Mason 1970:153); притом чуть раньше Миллер показал, что лексически Кассий Дион ориентирован не на аттических авторов, а на современных ему аттицистов (Miller 1965: 61). И все же Кассий употребляет ἀνθύπατος 22 раза, более того, его употребляют и софисты (те самые аттицисты) – пусть чаще предпочитая что-то вроде «архонта» и с оглядкой не только на аттическую норму, но порой и на эллинистическую, как в случае с «гекатонтархом» и «хилиархом» (еще у Геродота эти звания носят только персидские офицеры), не говоря уж о «сатрапе».

риков и у грамматиков так или иначе используются, пусть не всегда последовательно, все три производные от ὑπάτ-, но данный анализ по возможности ограничен Второй софистикой и ее лидерами – культурно доминирующей и с максимальной языковой ответственностью группой, через школу давшей образцы слога последующим векам.

Итак, для приблизительной статистики были выбраны четыре автора, наверняка сохранявшие влияние в течение многих столетий (это доказывает объем дошедших до нас текстов): Дион Хрисостом, Элий Аристид, Лукиан и Флавий Филострат. Из производных от ὑπάτ- прилагательное ὑπατικός у Лукиана использовано дважды (Demonax. XLII.11; 11; De saltat. LXXXIII.30), у других вообще ни разу; ἀνθύπατος у Диона один раз (Orat. XLVII.19.7), у Элия Аристида ни разу, у Лукиана четыре раза, все в «Демонакте» (XVI.6; 7; L.2;11 et al.), у Филострата дважды, в цитированном месте и в жизнеописании Полемона (VS I.541); редко, зато всегда уместно, так как всюду ἀνθύπατος – главный местный начальник, которого зовут в сложных случаях и к которому ходят с жалобами, а что его же чаще называют «архонт» или «гегемон», это сейчас за пределами анализа. Как прилагательное ὑπάτος используется уже у Гомера: в «Илиаде» о Зевсе (V.756; VII.22; VIII.31; XVII.339; XIX.258; XXIII.43) и дважды о погребальном костре (XXIII.65; XXIV.787), в «Одиссее» всегда о Зевсе (I.45, 81; XIX.303; XX.230; XXIV.473). После Гомера ὑπάτος употребляется не особенно часто, но не выходит из обихода, причем по-прежнему чаще всего относится к Зевсу или к иному богу: так, у Эсхила оно один раз служит эпитетом Зевса (Agam. 509) и трижды других богов (ibid. 51; 55; 89); у Еврипида один раз так назван Зевс (Rhes. 456) и один раз просто «бог» (ibid. 703); а вот у Аполлония Родосского этот эпитет лишь раз относится к богу (Argonaut. IV.146) и еще семь раз так называются высокие объекты, например, горы (ibid. I. 222; 553; II. 207; III. 1213, et al.). У прозаиков картина специфичнее: скажем, у Ксенофонта ὑπάτος не используется ни разу, а у Демосфена дважды (XXI.52,9; XLIII.66.9, о Зевсе и об Афине), что и понятно: ὑπάτος – слово поэтическое, историку не нужное, а оратору нужное лишь в моменты «энтузиазма». Итак, гомеровское употребление

сохраняется, но в классическую эпоху появляются два (вероятно существовавших ранее) музыкальных термина: ὑπάτη, крайняя струна лиры, и ὑπάτον, соответствующий ей тон, – впервые у Платона (Resp. 443 d 6), очень часто у Аристотеля в «Проблемах», в главах о гармонии (24 раза), то же во фрагментах трактата Аристоксена о гармонии (19), то же позднее, в приписываемом иногда Плутарху трактате *De musica* (17), то же еще позднее, у Никомаха Математика в *Harmonicum enchiridium* (41) и *Excerpta* (22), так что в музыкальной науке оба термина остаются в ходу на протяжении многих веков. Стало быть, ὑπάτος встречает римлян, будучи привычным семантически небогатым прилагательным, отчетливо тяготеющим к поэтическому контексту, но при этом субстантивированным в два музыкальных термина, несомненно широко применяемых учителями музыки в их повседневной работе, а значит, постоянно звучащих в устной речи.

Возможно, поначалу и при римлянах ὑπάτος и ἀνθύπατος не были окончательно субстантивированы: по Мейсону, почти до конца II века до н.э. преобладали сочетания στρατηγὸς ὑπάτος и στρατηγὸς ἀνθύπατος (Mason 1974:12), но у Полибия на сотню с лишним упоминаний консулов и проконсулов подобное встречается всего несколько раз (e.g. I.52.5; VI.14.2), а ранние надписи, на которые ссылается Мейсон, слишком немногочисленны, и вероятнее, что στρατηγός всегда употреблялось нерегулярно, а вскоре и вовсе исчезло. Правда, сочетания ἀνὴρ ὑπάτος или (реже) ἀνὴρ ἀνθύπατος встречаются в текстах постоянно, но ἀνὴρ – слово особое, часто применяемое из этикетных соображений (cf. ἄνδρες φίλοι, ἄνδρες ἀδελφοί). В общем, обычно ὑπάτος употребляется в субстантивированном виде, в согласии с принципом экономии языковых средств, – если и не Полибий первым придумал называть консулов просто «верховными» (пусть слишком многое указывает на него), после него существительные ὑπάτος и ἀνθύπατος прочно и надолго вошли в язык. При всем том из выбранных для статистики четырех софистов Дион не употребляет ὑπάτος ни разу ни в каком смысле, Лукиан один раз называет так Зевса (Jupp. Trag. I.5), Элий Аристид трижды называет так бога или Зевса (Hier.Log. I.280; II.308; Orat.

XLIX. 376), и лишь однажды у него упоминается ὑπάτος Салуиос, консул 148 года Сальвий Юлиан (Hier.Log. II.292), – итак, из четырех софистов у троих ὑπάτος использовано пять раз, из них четырежды «по-гомеровски», причем сходные результаты дает статистический анализ более поздних авторов (Либания, Юлиана и др.), так что употребление ὑπάτος как поэтического эпитета характерно для римского периода в целом. Зато у Филострата, который дал имя Второй софистике (VS I.481) и в известном смысле подвел ее итоги, ὑπάτος употребляется 30 раз: в «Жизни Аполлония» 11, в «Жизнях софистов» 18 и еще однажды в коротком диалоге «Нерон», и это никогда не бог, не гора, не звук струны – ὑπάτος у Филострата всегда «политическое» слово, зато отнюдь не всегда «консул».

Так, в «Нероне» ὑπάτος – мятежный Виндекс, который был пропретором Галлии, вел войну и стремился к власти, как и Веспасиан, который чуть позднее тоже вел войну и тоже стремился к власти, но сумел получить ее, – поэтому, когда в «Жизни Аполлония» Веспасиан дважды подряд именуется ἀνὴρ ὑπάτος (V.35), отсюда следует только, что он, примерно как Виндекс, возглавляет войско и рвется к державе. В «Жизни Аполлония» ὑπάτος четыре раза относится к консулу: один раз это Веспасиан (V.29), дважды Телесин, консул 66 года (IV.40; VII.11) и один раз Клемент, консул 96 года (VIII.25). Дважды, однако, ὑπάτος – тот же Телесин, но уже консуляр (VII.11; VII.7); еще один раз ἄνδρες ὑπάτοι – сенаторы Орфит и Руф (VII.18)⁹; безымянный ὑπάτος поминается в фигуре речи (VIII.7; это может относиться как к Телесину, так и к Орфиту или Руфу, но имеет обобщающий смысл). В рассказе об одном из совершенных в Риме чудес Аполлония говорится о девице из семьи τελοῦσης ἐς ὑπάτους (IV.45), а о проконсуле («архонте») Азии сказано, что он ἐν ὑπάτοις φανερός (VII.5),

⁹ Оба они были консуляры (Орфит – консул 51 года, Руф – 63), но Филострат консульскими списками явно не пользовался (скажем, Веспасиан у него коллега Клавдия, хотя на деле был суффектом), и связать здесь ἄνδρες ὑπάτοι с консульской магистратурой навряд ли уместно.

но то и другое тоже несомненные фигуры речи, где «консулом» называется любой римский вельможа. Почти сходная ситуация в «Жизнях софистов»: там упоминается несколько несомненных консулов (e.g. VS II.556) и несколько возможных – годы в этом сочинении считать труднее и некоторые ὑπατοί могут быть консулярами (e.g. *ibid.* I.536 /bis/), а порой и вовсе нельзя понять, идет ли речь о консуле, консуляре, сенаторе или ином сановнике, как, например, в случае с безымянным ἀνὴρ ὑπάτος, обвинившим Фаворина в блуде (*ibid.* I.489). Квадрат, проконсул Азии 165 года (у Элия Аристиды «гегемон Азии»: *Hier.log.* I.22), у Филострата тоже ὑπάτος (I.577), но проконсулов Филострат не называет ὑπατοί, так что тут, вероятно, подразумевается консуляр либо еще кто-то сановный, вроде гонителя Фаворина или некоего Руфа, обижавшего жителей Смирны (VS I.512). Или вот (правда, в Риме) ὑπατοί καὶ παῖδες ὑπάτων «болеют» за конкурирующих софистов (*ibid.* I.490) – тоже, конечно, не консулы, просто вельможи разных возрастов, хотя в знатных римских семействах обычно бывал хоть один консул (cf. VA IV.45). Вообще о знатных – «консульских» – семьях говорится не раз, и иногда это можно и нужно понимать буквально, как в случае с Регулами (VS II.555), но в роду софиста II века Аристокла еще не могло быть нескольких консулов (*ibid.* II.507), если только не называть ὑπατοί любых знатных предков¹⁰. Таким образом, Филострат одинаково величает консулов, консуляров, сенаторов, полководцев, знатных римских предков и даже знатных греческих предков.

Филострат – не только замыкающий Второй софистики, он и тематически не слишком ориентирован на

¹⁰ Характерно, что Уилмер Райт в переводе «Жизней софистов» для “Loeb Classical Library” в таких случаях почти всегда использует «консуляр» (Wright 1989: 13–315), и эта осторожная тактика по-своему уместна, так как при ежегодной паре ординарных консулов плюс несколько суффектов новые консуляры являлись ежегодно и всякий пожилой римский вельможа почти наверняка был консуляром, – но будь так, Филострат не причислил бы к «консульским» семейство Аристокла, а это не единственный пример.

прошлое: все его тридцать ὑπατοὶ живут, самое раннее, при Нероне, а чаще позднее, так что это небогатый, но показательный материал, помогающий понять значение ὑπατος в первой половине III века. В отличие от «архонта» или «автократора», не слишком удачно использованных греками для описания римской государственной реальности, но входивших и в греческий номенклатурный лексикон, ὑπατος никогда не было у греков административным термином, более того, и при римлянах в качестве прилагательного сохраняло, как сказано, прежнее поэтическое значение, так что еще Дионисий Галикарнасский особо объясняет, какую должность занимают у римлян ὑπατοὶ и даже использует для этого транскрипцию κωνσίλια (Ant.Rom. IV.76.2)¹¹. В надписях ὑπατοὶ нередко относится к проконсулам и консулярам, более того, консуляры зовутся ὑπατοὶ (правда, лишь по разу) даже у ученых Плутарха и Аппиана, так что словоупотребление Филострата ближе всего, пожалуй, к массовому, каковым ad hoc приходится считать эпиграфическое: как и в надписях, ὑπατος у Филострата – лицо высокопоставленное, а уж консул он, консуляр, пропретор или просто влиятельный человек, это по контексту иногда понятно, а иногда непонятно даже с привлечением дополнительных источников, на что ни один софист, разумеется, не рассчитывал.

Итак, ὑπατος у Филострата начисто лишается прежнего значения, а в новом значении утрачивает остатки былой (пусть недостаточной) конкретности, превращаясь в обобщенное определение VIP-person, то есть если не пользоваться для толкования негреческими словами, ὑπατος – просто «гипат» и смысл этого слова даже более расплывчат, чем у византийского гипата (почему не «ипата»? – Е.Р.) в словаре Москвина (Москвин 2003: s.v.

¹¹ Подробнее о словоупотреблении Дионисия см.: Вух 1915; язык Дионисия довольно причудлив, отчасти из-за уверенности, что латинские слова происходят от греческих, e.g. κλῆσις из *classis* (Mason 1974: 15), – однако жил он задолго до Второй софистики и в качестве антиквара не мог считаться экспертом в области слога, хотя мог, конечно, послужить источником для кого-то из позднейших аттицистов.

гипат). Действительно, ὑπάτος Филострата – чуть ли не любой сановник высокого ранга с самыми разными (не всегда понятными) полномочиями, а то и без полномочий, хотя быть гипатом почетно, раз порой это звание принимает сам император. Отсюда следует, что «гипат» – не высокая *должность*, а высокий *чин*, пусть дающий право занимать одну из высоких должностей, однако сохраняющийся и в отсутствие оной. Нельзя не отметить, что так в конце концов и вышло: после закрытия в 541 году консульских списков ὑπάτος превратился в чиновника, причем далеко не перворазрядного, а главное, без определенной должности, – что именно поручено данному гипату и поручено ли что-то, определялось чином лишь постольку, поскольку высокие должности оставались ему недоступны из-за невысокого чина. При Филострате, однако, гипат еще был лицом высокопоставленным, то есть всех или почти всех высокопоставленных лиц можно было называть гипатами и среди них, конечно, Гордиана, а значит, в посвящении ἀνὺπάτος указывает на должность наместника провинции, а ὑπάτος – лишь на высокое положение, почти как «высокопревосходительство».

В конце своей программной статьи Мейсон отмечает, что из-за присущей грекам «стилистической респектабельности» римская реальность приобрела «аттический фасад», мешающий историкам пользоваться греческими источниками (Mason 1970: 158), – и верно, если нельзя узнать даже, кем был притеснитель Смирны Руф, в более серьезных вопросах и трудности серьезнее, о чем многие знают по собственному опыту или по жалобам коллег. В начале той же статьи, однако, Мейсон заверяет, что «достаточно стандартная терминология» все-таки существовала, иначе у греков постоянно возникали бы проблемы, а их было *относительно мало* (Mason 1970: 150, курсив автора), но это утверждение кажется спорным. У абсолютного большинства грекоязычного населения Империи проблем, связанных с латинским политическим дискурсом, не могло быть просто потому, что почти все вопросы решались на местном уровне, а если уж дело доходило до наместника, тот всегда знал греческий. Остаются редкие случаи, когда нужно говорить, скажем, в преторском суде,

но для подобных ситуаций всегда имеется профессиональный корпус, тем более что языковой барьер в данном случае невысок и проблема решается, едва возникнув¹². Другое дело, что именно люди вроде Кассия Диона, Герода Аттика или Флавия Филострата – сенаторы и консулы, подолгу или постоянно жившие в Риме и наверняка хуже или лучше латынь знавшие (как-никак то был язык официальной жизни, в которой они активно участвовали десятилетиями) – что именно они превращали прокураторов в «архонтов» и понтификов в «иереев»¹³, всячески способствуя созданию того самого «аттического фасада», из-за которого так плохо видна римская государственная реальность.

Но где бы ни жили аттицисты, их влияние распространялось прежде всего на будущую Византию – на восточные области Империи, где, по крайней мере в городах, преобладало грекоязычное население, так что после разделения державы латынь там стала выходить из употребления очень быстро и уже в VI веке порой использовалась как чисто графический знак (Feissel 2008: 214–30), демонстрируя принадлежность Риму, пусть «Новому»¹⁴. А задолго до того население этой будущей Византии начало использо-

¹² При необходимости языковые барьеры преодолевались и в более сложных ситуациях: скажем, нет оснований предполагать, что Иисус говорил по-гречески, но это не мешало Пилату его допросить; а вот при распятии Иисус навряд ли понимал палачей, предложивших ему «желчь» (релаксант), так как те были не местные и изъяснялись на армейской латыни, в лучшем случае по-гречески, а чиновника рядом не было.

¹³ Так, от Герода не осталось речей, но остались надписи, по которым видно, что он точно следовал описываемой тенденции: не только консуляр у него, как и у остальных, просто «гипат» (CIG III. 857), но и «патриция» именно он с предельной неточностью превращает в «евпатрида» (ibid. 858)

¹⁴ Ср. замечания Адамса об «аллоглоттографии» (Adams 2003: 37, 44–46). Если вслед за Хобсбаумом различать традицию и обычай по признаку демонстративности и действенности (Hobsbaum 1983: 2–9), можно сказать, что Византия никогда не порывала с римской традицией, но на уровне обычая достаточно рано оказалась от Рима далека – не в последнюю очередь из-за разного состава населения.

вать слова вроде «гипата», и задолго до того результатом такой лексической стратегии оказалась не утрата терминологии, никогда толком не освоенной, а создание номинативной зоны, где каждое слово обозначало целую группу римских сановников: скажем, «гипат» был большим вельможей, но не всегда занимал большую должность, коль скоро консуляр мог быть не у дел и часто бывал не у дел, зато «архонтами» и «гегемонами» назывались иногда вельможи помельче, но непременно при должности – иначе говоря, гипат и архонт различались как вельможа и начальник, пусть то и другое может совмещаться и часто совмещается¹⁵. Как замечают в своем предисловии к переводу «Вакханок» Гиббонс и Сигал, перевод можно назвать политикой “of a cultural kind” (Gibbons, Segal 2001) – и применительно к Еврипиду такая оговорка, разумеется, верна, однако эволюция речевых форм не только соотносима с эволюцией форм социальных, но может соотноситься с ними, как причина со следствием (Kutthoff 1996: 159–160), и тут более уместным примером будут не переводы Еврипида, а всевозможные новоязы, посредством дискурса способствующие преобразованию реальности («*нюнстик – душа ингсоца*»). Вот так и Вторая софистика не сводилась к риторическому возрождению аттицизма на уровне языка и стиля, а была мощным движением римских греков в поисках того, что сейчас назвали бы идентичностью, хотя осуществлялось это движение почти исключительно на дискурсивном уровне. Поиск новой идентичности определялся новым социальным контекстом.

То, что сейчас называется Римской империей, долгое время номинально оставалось «республикой римского

¹⁵ В лексиконе Мейсона сравнительно немногие названия латинских должностей имеют только одно греческое соответствие, чаще не вполне однозначное (как *δήμαρχος*), реже однозначное, как (*ἵππαρχος*, *magister equitum*), а уже «эдилы», «префекты», «легаты» могут передаваться несколькими или многими способами, и даже *ἀνθυπάτος* – казалось бы, отличный термин! – без включенности в систему не становится термином, так что недаром употребляется редко, будучи, по сути, ничуть не лучше «архонта» и «гегемона».

народа», надстроенной новыми институтами – единоличной властью и обслуживающей ее бюрократией, так что, например, часть провинций была в сенатском управлении, а часть в кесарском и, соответственно, на сенатской территории распоряжались проконсулы и пропреторы, а на кесарской префекты и прокураторы, теоретически бывшие ниже курульных магистратов, но фактически от них не отличавшиеся, а для греков и вовсе такие же «архонты». Естественно было ожидать отражения этой ситуации в языке, и верно, уже при Марке Аврелии высшие магистраты наравне с высшими чиновниками стали титуловаться *viri illustres* (λαμπρότατοι); были и другие звания, начиная с всадников, *egregii* или *κράτιστοι* (Гийан 1964: 35–48). Тем самым у проконсула и у префекта явился общий титул – пусть факультативно употребляемый и, разумеется, не наследуемый, но все-таки дававший реальному равенству некое формальное выражение, что особенно ощущалось на греческом Востоке, где магистрат мог называться тем же словом, что и чиновник, то есть, как уже сказано, *de facto* по чину, а не по должности. И заметная заслуга в стирании различий между вельможей и бюрократом принадлежала именно аттицистам, заслонившим традиционную номенклатуру «аттическим фасадом», а на деле – новым и еще не вошедшим в государственный обиход делением по чинам. Известно, что демонстративный архаизм в области стиля чаще всего бывает не выражением архаизирующей тенденции в области социальных и политических практик, а, напротив, одним из аспектов инновации, в которой «архаисты» играют важную или даже главную роль, – это показал уже Юрий Тынянов в «Архаистах и новаторах». Такова была *res publica restituta* Августа, с декларативной стилистической старомодностью (от *mores maiorum* до героического эпоса) осуществлявшая новый способ управления державой, такова была обращавшаяся к первоначальному христианству Реформация, таков был «славянский язык революции» (Поливанов 1931: 168–172), – словом, эта закономерность достаточно универсальна, примеров тому много, и одним из них несомненно является вкратце рассмотренная здесь передача римской номенклатуры в согласии с аттической нормой. В имперской «матрице обще-

ния» (Gumperz 1982: 464) речевая роль грекоговорящей элиты принадлежала, разумеется, софистам, а они при всей демонстративной архаичности своего аттического слога¹⁶ лучше других умели уловить и передать происходящие перемены – постепенное поглощение всех иерархий единой бюрократической иерархией. В каком-то смысле греческая передача римской номенклатуры, преобразующая должности в чины, этим переменам даже способствовала, впрок приучая грекоговорящих римлян к грядущей табели о рангах.

Подобное положение дел представляется естественным. «Восстановленная республика» облегчила сначала интеграцию греков в державе римлян, а затем и обретение ими новой римской (ромейской) идентичности – такое почти всеобщее равенство было в интересах бюрократического государства с его ненаследуемыми привилегиями, добываемыми в процессе конкуренции (Kelly 2004), но для ромеев оно было не менее желательным. Поэтому, хотя официальным языком оставалась латынь, в ней сохранялись устаревшие или устаревающие термины управления, между тем как архаичный язык аттицистов при всей своей кажущейся неточности (или благодаря ей) гораздо лучше отражал реальные тенденции политического развития, завершившиеся реформой Диоклетиана¹⁷. С перено-

¹⁶ Об основоположниках Второй софистики, Мусонии, Дионе и Фаворине, Тим Уитмарш справедливо замечает, что они не столько имитировали древность, сколько создавали новую (согласующуюся с их целями и амбициями) версию прошлого, (Whitmarsh 2001: 269–305), – но известно, что любое редактирование прошлого всегда предполагает то или иное преобразование настоящего.

¹⁷ Эта реформа в своей «тетрархической» основе проста, зато в части *notitia dignitatum* (классификации чиновников) так детализирована (Bury 1920: 131–154; cf. Rees 2004: 13–37), что порой немногим понятнее греческих «архонтов» и «хилиархов», но связано уже не с пренебрежением к прежней терминологии, а с созданием терминологии новой, по возможности точной и оттого поначалу чересчур подробной; позднее, в византийской табели о рангах, терминология становится все упорядоченнее и, соответственно, понятнее.

сом столицы на Босфор и особенно с разделением Империи бюрократический принцип расцвел, пока, наконец, в Византии не явилась настоящая табель о рангах с делением по ведомствам, причем даже у евнухов было в тактиконе свое особое ведомство¹⁸. За тысячу лет существования государства эта табель не раз модифицировалась, но в основе своей оставалась неизменной, сохраняя, в частности, большую часть терминов – теперь уже настоящих, то есть системных и моносемичных. Многие из этих терминов были из старого запаса, как ὑπάτος и (до поры) ἀνθυπάτος, причем вплоть до своего исчезновения из табели анфипат всегда был старше ипата на два-три разряда, что связано, вероятно, с чрезмерной употребительностью ὑπάτος. Любопытнее, однако, что в X веке в табели на некоторое время появился ὀπλίταρχος, служивший по военному ведомству и командовавший пехотой, а это – тот самый «воевода латников», о котором Филострат пишет «ныне же заботится о продовольствии и о хлебных торгах» (прим. 4). Необходимость иметь для пехоты особого полководца была объективной, необходимость как-то его называть тоже была объективной – а вот выбор слова, восходящего чуть ли не к временам марафономахов и уже при Северах применявшегося не к полководцу, а к главному афинскому интенданту, можно считать своеобразной инерцией неумирающих принципов Второй софистики.

Литература

- Гийан Р. Исследования по административной истории Византийской империи // Византийский временник – 29 (1969).
Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи IV-VI вв. // Византийский временник-24 (1964)
Москвин А. Ю. Большой словарь иностранных слов. М., 2003.
Поливанов Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931.

¹⁸ Византийская табель о рангах подробно рассмотрена как в старых, но не утративших актуальности трудах Ф. И. Успенского, так и в новом «Словаре» А. Каждана (Kazhdan 1991); см. также: Bréhier 1949; Haldon 1994; et al.; при всем том главное, то есть иерархия чинов, доступно даже в Википедиях.

- Рабинович Е. Г. Безымянные имена // Елена Рабинович. Риторика повседневности. СПб., 2000.
- Alcock S. *Graecia Capta: The Landscapes of Roman Greece*. Cambridge, 1993.
- Adams J. N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge, 2003.
- Ball W. *Rome in the East: The Transformation of Empire*. London, 2000.
- Berthet J.-F. *Remarques sur le vocabulaire politique des Res gestae divi Augusti* // F.Biville J.-C. Decourt, G. Rougemont (ed.). *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie: actes du colloque, 17-19 mai 2004*. Collection de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée 37; série épigraphique et historique 6. Lyon, 2008.
- Bréhier L. *Les institutions de l'empire byzantin*. Paris, 1949.
- Bury J. B. *The Notitia Dignitatum* // *Journ. of Roman Stud.* X (1920).
- Bux E. *Das Probouleuma bei Dionysios von Halicarnass*. Leipzig, 1915.
- Feissel D. *Écrire grec en alphabet latin: le cas des documents proto-byzantins* // F.Biville, J.-C. Decourt, G. Rougemont (ed.). *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie*. Lyon, 2008.
- Gibbons R., Segal Ch. (transl.) *Euripides' Bakchai*. Oxford, 2001.
- Greenough J.B., Kittredge G.L. *Words and their Ways in English Speech*. New York, 1961.
- Gumperz J. *Discourse Strategies*. Cambridge, 1982.
- Haldon J. F. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*. London, 1999.
- Hobsbaum E. *Inventing traditions / E. Hobsbaum. The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983.
- Kazhdan A. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Oxford, 1991.
- Kelly C. *Ruling the Later Roman Empire*. Cambridge, MA. 2004.
- Klemperer W. "L.T.I." *Die unbewaltigte Sprache*. München, 1969.
- Kutthoff H. *Interactional sociolinguistics / "Folia Linguistica", v. 30 (1996), №№ 3–4*.
- Magie D. *De Romanorum iuris publici sacrique vocabulis in Graecum sermonem conversis*. Leipzig, 1905.
- Mason H. J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis*. Toronto, 1974.
- Mason H. J. *The Roman Government in Greek Sources: The Effect of Literary Theory on the Translation of Official Titles* // "Phoenix", v. 24 (1970), №2.
- Miller F. *A Study in Cassius Dio*. Oxford, 1965.
- Mueller C. *Notes on the repression of communicative behaviour // Recent Sociology, 1970, №2*.
- Nordström V. *De institutorum Romanorum vocabulis Dionysii Halicarnassensis quaestiones*. Helsingfors, 1890.
- Preston R. *Roman Questions, Greek Answers: Plutarch and the Construction of Identity* // Simon Goldhill (ed.) *Being Greek under Roman: Cultural Identity, Second Sophistic and the Development of Empire*. Cambridge, 2001.

- Rees R. Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh, 2004.
- Rochette B. Greek and Latin Bilingualism // E. G. Bakker (ed). A Companion to the Ancient Greek Language. Blakwell Publ. 2010.
- Rochette B. Le latin dans le monde grec. Bruxelles, 1997.
- Sigurdur A. Magnusson. The Icelanders. Reykjavik, 1990.
- Solin H. Observations sur la forme grecque des indications calendaires romaines // Bilinguisme gréco-latin et épigraphie: actes du colloque, 17–19 mai 2004. Lyon, 2008.
- Vrind G. De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent. The Hague, 1923.
- Whitmarsh T. Greece is the World // Being Greek under Roman. Cambridge, 2001.
- Wright W. C. (transl). Philostratus. The Lives of the Sophists. Cambridge, Mass., London. 1989.

Summary. Latin in Greek

Under the Roman rule the Greeks encountered the system of Roman officials with their titles (like *consul*, *tribunus*, etc.), too special to be translated. However, some basic norms of Greek culture were formed centuries before, and using barbaric (all non-Greek) words would be impossible for educated people with strong cultural obligations: even Polybius, who admired Rome and Roman laws, translated practically all Roman titles. Although Latin titles were terms, to borrow them meant to use barbarisms and to translate them as terms meant to create neologisms (which are mostly for poetry), while in the social context anything non-Greek was of no value and as senseless as barbaric languages. So the Greeks translated Latin terms as non-terms and thus had no correct terminology to live within the Roman political structure. Adequate translation meant using only well-known, not invented words (κύρια), whether or not anyone could understand the very special position of e.g. *procuratores*, who had very little in common with *proconsules* – but also could be called ἄρχοντες and ἡγεμόνες. When the Greeks together with their teachers of rhetoric became Roman citizens, nothing changed: the Greeks understood non-Greek only when adopted into Greek. For the late Empire with its typical explosion of bureaucracy Greek way of equalizing magistrates and bureaucrats in the same semantic field of VIP, was much more adequate, being the first step to the new hierarchy – Diocletian's *notitia dignitatum* and later the Byzantine Table of Ranks.